

Неметафора: феноменология картографического изображения

ВЛАДИМИР КАГАНСКИЙ

Институт географии РАН (ИГРАН), Москва, Россия, kaganskyw@mail.ru.

Ключевые слова: визуальность; денотат; знаковость; изображение; иконичность; карта; ландшафт; масштаб; расчленение; сигнификат; сплошность.

Карта — мощная культурная и эпистемологическая метафора; проведена деметафоризация. Рассматривается карта в общем смысле, но в основном на материале географических карт — сплошное означенное масштабированное изображение некоторого денотативного пространства. От внекатегориальных снимков (аэрокосмические etc) карту принципиально отличает категориальный характер. Карта — категоризованное изображение, каждому ее фрагменту соответствуют понятия. Предмет и явный денотат классической карты — земная поверхность. От модных «карт предметных областей», многих видов компьютерной графики и иных визуализаций карту отличает сплошность и изображаемого (денотативного) пространства и самого пространства карты и обязательность масштаба картографического изображения. Несомненно, будучи изображением, данным визуальной апперцепции,

карта редко целиком копирующе-иконична. Это важный и распространенный массовый вариант карт; но всякая карта содержит изобразительно-иконический компонент как адресный слой, обеспечивающий денотативную узнаваемость; иконичность и узнаваемость — не синонимы. В центре статьи тематические специальные географические карты, им дана общая интерпретация; они принципиально используют цвет. Основа работы — интроспекция и рефлексия собственного опыта картографа-составителя и пользователя карт, опыт чтения ландшафта по карте / чтения карты по ландшафту в познавательных путешествиях, методологические штудии на базе теоретической географии, семиотики и теории классификации. Не обзор и не критика литературы. Основная задача работы — уточнение эпистемологического, семиотического и культурного статуса карты.

Памяти Геннадия Копылова¹

Каким образом смысл соединяется с изображением?

Ролан Барт. Риторика образа²

Введение

КАРТА — мощная и популярная культурная и эпистемологическая метафора, она стоит в одном ряду с путешествием и ландшафтом. Представление феномена карты оказывается и ее *деметафоризацией*. Но деметафоризация карты не является непосредственной целью данной статьи. Ее задача в ином — ответить на вопрос, *чем же именно является карта на самом деле?* Возможно, это рассмотрение и прояснит — *почему же карта столь популярна как метафора*; однако метафоризации карты столь разнородны, что обоснованно выдвинуть гипотезу омонимичности разных терминов «карта»; или же предположить, что карта — скорее концепт, нежели понятие.

В статье рассматривается карта в общем смысле, но в основном на материале географических карт. *Прежде всего, это карты плоские бумажные многоцветные, что принципиально.*

Учитывая неразвитость пространственно-иконической семиотики³, выдержать единство подхода непросто; прежде всего мы стремились удержать и представить феномен карты как комплексный в силу полиаспектности, сложного культурно-семиотического строе-

Исследование выполнено в рамках государственного задания Институту географии РАН № 0148-2019-0007 (НИОКТР АААА-А19-119021990093-8).

1. Геннадий Копылов (1958–2006) — российский ученый и методолог, создатель и главный редактор методологического альманаха «Кентавр», автор многих значимых работ по методологии и философии науки, включая яркую статью о картах: *Копылов Г. Г. Пространственные представления в СМД-методологии: постановка проблемы и анализ карты как инструмента «схватывания» пространства // Вопросы методологии. 1992. № 1–2. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5139>.*
2. *Барт Р. Риторика образа // Избр. раб.: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 297.*
3. Но семиотика пространства живописи есть, см., напр.: *Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур, 2014.*

ния карты и в силу множественности ситуаций, где дана и фигурирует карта. Не станем скрывать и даже подчеркнем, что существенный компонент работы — *интроспекция и критическая рефлексия собственного опыта картографа-составителя* на всех этапах картографической работы — от идеи и проекта конкретной карты, технического задания и создания завершенной карты до особой картографической корректуры. Осмыслен и опыт пользователя карт, включая чтение ландшафта по карте в познавательных путешествиях.

Наш подход — ненормативная методологическая герменевтика карты как изображения и произведения. Во многом это осмысление опыта предшествующей эпохи, когда *работа над картой* с применением обильных данных и знаний *была прежде всего единой работой ума, глаза и непременно руки.* Однако этот опыт не гипостазируется, в частности, в силу привлечения для анализа иных картоподобных изображений. Мы не проводили жесткий демаркационный рубеж «карта — не карта», а действовали иначе, фокусируясь на ядре семейства карт, центре многообразия картографических изображений и тем самым на содержательном ядре понятия карты. Такие карты — плоские бумажные многоцветные сложные по содержанию и графическим средствам его представления. Помимо иконически-изобразительных аспектов в поле внимания и карта как комплексное произведение.

Предмет рассмотрения — не общегеографические или топографические карты и их популярные варианты (например, гугл-карты), а *специальные тематические карты*, специфические и малоизвестные, наиболее сложные и трудные в составлении, включая выбор изобразительных средств, часто богатые нетривиальным содержанием; оно полно дано лишь квалифицированным авторам и пользователям. Общегеографические карты разрабатываются, производятся и потребляются в очень широком и размытом культурном круге, а специальные карты — в узком профессиональном сообществе, и здесь *наша работа — еще и свидетельство очевидца*, итог идущего полвека включенного наблюдения и участия в картографировании и вообще работе с картами.

Основная задача работы — уточнение эпистемологического, семиотического и культурного статуса карты. Статья не содержит полного обзора литературы и ее критикой не является.

Приметы карты

Дадим хотя и длинный, но открытый и потому неполный перечень признаков, особенностей, характерных черт, короче — при-

мет⁴ карты. В своей совокупности они, думается, передают существенные особенности карты и контексты, где живут и осмысливаются карты.

блок-схема ландшафта
визуальная модель земной поверхности
вольный рисунок на строгой основе
графический текст
графическое произведение
двумерная проекция корпуса знаний
двумерное семейство графиков
двумерный путеводитель
двумерный текст
двухслойное изображение
декоративное изображение
диаграмма Венна, дополненная
знаковый ландшафт
изображение
изображение земли
изображение Земли
изображение образа Земли
иконическая модель
иконически-графический текст
каллиграфия Земли
картина морфологии земного ландшафта
картинка по правилам
когнитивная графика (отчасти)
культурная универсалия
культурная экзотика
культурный документ
культурный феномен
маршрутизатор
маршрутный путеводитель
масштабированное изображение
метафора
означенный вид сверху
основа профессиональной оптики в ряде дисциплин
основное средство в науках о Земле
портрет земли
портрет ландшафта
портрет пространства
представление знаний

4. Приметы в смысле Карло Гинзбурга, см.: *Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы. Морфология и история.* М.: Новое издательство, 2004. С. 190.

представление личностного знания
представление порции ландшафта
представление распределенных данных
представление экспертного знания
продукт дизайна
продукт сложной печати
проекция сферы на плоскость
проекция трехмерного пространства в двухмерное
пространственное представление пространства
профессиональное представление знания о ландшафте
результат чтения ландшафта
рисунок
рисунок по правилам
риторика означенного пространства
ручная работа (рукотворная работа)
свидетельство культуры
семантизированная картинка
семантизированный вид Земли сверху
семиотика Земли
семиотическое средство
символ географии
сложное произведение
сплошное изображение сплошного пространства

Сплошные пространства карты и ландшафта

В отличие от привычного линейного вербального текста, составленного отдельными дискретными знаками, картографическое изображение сплошно и лишено пустот и лакун. Любая точка карты, строже — некоторая окрестность, принципиально имеющая ненулевой размер, имеет смысл, значение и соответствующий условный знак. *Карта — полностью и сплошно означенно-категоризованное пространство без пустот*, пространство, каждой осмысленной области которого соответствует некоторая категория или комплекс категорий. Второй атрибут картографического изображения — двухмерность с равноправием направлений без выделенной последовательности синтагм и выделенного направления восприятия, «чтения»). Графически и семантически *пространство текста анизотропно, картографического изображения — изотропно*. В подавляющем большинстве случаев визуальное изображение карты не может быть переведено в тактильную форму без радикальных потерь; в акустический текст карта не переводима. В отличие от вербального текста карта лишена возможности однозначного членения на смысловые элементы.

Характерные для текста пробелы и знаки конца единиц синтаксического и гиперсинтаксического членения в карте отсутствуют; знак точки в тексте имеет значение, но иное, нежели остальные знаки — и потому знаку границы ареалов на карте не аналогичен. Сказанное не противоречит дискретности отдельных знаков в поле карты, как и наличию знаков границ районов, ареалов и т. п. Во-первых, поле картографического изображения сплошь заполнено знаками. Во-вторых, знак границы имеет значением особую предметную реальность (например, Границу как тип ландшафта⁵) либо это условность графического представления. Есть графические приемы, позволяющие вообще обойтись без специальных знаков границ — например, прямым соседством разнокачественных, цветных и иных фонов; тогда граница графична, но не семантически, а линия границы дана на карте лишь для удобства зрительного восприятия карты. Знак границы неэлиминируем, если только он передает признак самой границы или как выражение расчленения (районирования) ландшафтного покрова. Карты районирования именно поэтому и не содержат или почти не содержат иных знаков; знак границы здесь имеет в принципе иной смысл; это самые специальные карты, наиболее далекие от карт общегеографических.

Сплошное пространство картографического изображения отображает сплошное пространство ландшафта; последнее сложно дифференцировано и в принципе допускает множество членений, дискретизаций. Именно это делает работу картографа творческим наделянием феноменов ландшафта как предмета карты значениями, а отнюдь не однозначным «переводом», семиотическим «копированием». Сплошное пространство картографического изображения по меньшей мере однослойно, если карта задает и представляет членение пространства, то есть его районирование. Обычно же пространство карты как изображения многослойно. Последовательный картографический синтез позволяет объединить все слои изображения и их знаки в один базовый слой — *полное членение картографируемой территории, синтетическое районирование*⁶.

Многослойность, как и нагромождение аналитических знаков отдельных объектов в основном присущи адресно-справочным,

5. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛЮ, 2001.

6. Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды: сб. тр. Смоленск: Ойкумена, 2007.

аналитическим картам; таковы топографические карты и общеизвестные электронные карты. Но хорошие общегеографические карты также несут яркий смысл, поскольку это и плод искусства рисования форм ландшафта, прежде всего горизонталями — линиями равных высот. Принципиально, что *горизонтالي проводятся*, хотя и строго по отметкам высот, *движениями руки*. Здесь налицо сходство с картами районирования, представляющими форму ландшафта также на основании экспертизы, реализующейся и в *движениях руки географа-картографа*, прорисовывающей границы районов. Я высказываюсь столь определенно в силу наличия и рефлексии обоих опытов — прорисовки горизонталей и иных изолиний и проведения границ районов. Впрочем, компьютерная картография многое изменила.

Именно представление о картах как совокупности отдельных условных знаков в метризованном пространстве было главным предметом и даже постулатом в анализе «языка карт», что, видимо, и стало причиной безрезультатности этих попыток и в лингвистике и в теоретической картографии⁷. *Карта не сводима к комплексу отдельных знаков, соотнесенных парадигматически явно и определенно и синтагматически явно*, но не вполне определенно в масштабированном квазиметрическом пространстве — это лишь «синтаксис», тогда как не менее важны семантика и прагматика карты в целом. Не менее важно и общее членение сплошного пространства, районирование как базовая структура поля картографического изображения⁸. Если бы карта была лишь упорядоченным множеством отдельных знаков отдельных тел, то вряд ли она была бы столь мощной метафорой. Главный смысл профессионально и культурно значимой карты (например, в китайской и персидской традиции) *передать не нагромождение отдельных объектов и мест* отдельными знаками, что присуще не ландшафту, но лишь его обыденному образу, но *представить морфологию картируемого*.

Поле карты сплошь покрыто условными знаками, как бы «составлено» ими, знаки могут графически и денотативно перекрываться. О каждом фрагменте карты может быть высказано какое-либо суждение; тем более что легенда карты обычно есть не-

7. См., напр.: Кобрин Р. Ю. Лингвистика в картографии // Прикладное языкознание. СПб.: СПбГУ. С. 408–419; Лютый А. А. Язык карты: сущность, система, функции. М.: Наука, 1988.

8. Каганский В. Л., Шрейдер Ю. А. Карта как общий способ представления знаний // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 5.

которая систематизация, часто — классификация. Графическое пространство карты совершенно сплошно, и потому *все его фрагменты в принципе равноправны между собою как элементы поля изображения*, различаясь важностью содержания.

Для карты необходимо, чтобы ее сплошное графическое пространство условных знаков служило осмысленной основой для таких процедур, как установление упорядоченности по отношению «ближе — дальше», отношению включения для площадных знаков, передачи внекартографических данностей, представлению явного и неявного знания, выбора маршрута, вообще принятия решения и т. п.; остальные функции карты рассмотрены ниже. *Определенные и выраженные графически в картографическом пространстве отношения имеют содержательные интерпретации; «хорошая карта» отличается связным богатым семейством таких интерпретаций.* Они и выражают содержание, закладываемое в карту при ее составлении и дают достаточно свободы в интерпретации при использовании карты⁹.

Ландшафт — сплошная среда¹⁰, карта — *сплошное изображение*. Трудно установить, что здесь первично генетически или феноменологически, но это так. Дело еще и в том, что отнюдь не научные концепции ландшафта или иных предметов изучения, включающего картографирование — компонентов и аспектов ландшафта породила общекультурные практики картографирования, весьма старые; скорее наоборот. В XVIII веке формируются программы массового картографирования по четким правилам на строгой международной основе — создание топографических карт; предшествующая картография не рассматривается. Научные же концепции ландшафта возникают после них и в существенной мере на основе их материала как *результат интерпретации и реинтерпретации уже существовавших к тому времени карт*, прежде всего топографических для создания специальных тематических карт, в свою очередь заметно повлиявших на концепции ландшафта¹¹. Установлено, что в русской географии XX века для разработки была избрана та концепция природного ландшафта, что наиболее обеспечивала создание ландшафтных карт¹², *картоморфная концепция*, как и многие концепции географии.

9. Там же.

10. Каганский В. Л. Указ. соч.

11. Он же. Мир географических открытий и мир современной географии // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск: Наука, 1987.

12. Сухова Н. Г. Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л.: Наука, 1981.

Работа над созданием карты — непростое сочленение гнозиса и технэ, исследования не только для получения, но и для *представления знания*; полициклический комплекс практик. Вся география как сфера наиболее разнообразных тематических карт представляет собой *картографическую герменевтику ландшафта*, соединенную с землеведческой линией Эратосфена. Многие науки о Земле и до сих пор именно таковы.

Теоретическая география Бориса Родомана, концептуальный концентрат классической географии центрирована *картоидами*¹³. Такие картоиды — «карты идеальных пространств», они имеют не эмпирические, но концептуальные референты. Эти картографические изображения дополняют семейство классических карт и используют их приемы и средства; создаются для «картографической экспликации» концептуальных суждений и моделей, обладая немалой эвристичностью. Иногда трактуются как разновидность когнитивной графики, техники рисования идей.

Двухслойное знаковое изображение

Всякая карта, не только географическая, равно как семиотическое средство и изображение, состоит из двух слоев — основы и специального содержания. Они сочленены и графически, семантически и прагматически автономны и специализированы.

Основа, опорное подпространство карты — графический набор элементов, непосредственно изображенных на карте, на которые наносится все остальное содержание, придавая ему абсолютный и относительный адрес. Основа задает базовое членение сплошного поля картографического изображения. Выражение «*нанести на карту*» описывает именно это, под картой здесь подразумевается ее основа. Основа — это та графически и семантически связанная система элементов, где буквально локализовано специальное содержание; фон, на котором даны, высвечиваются и играют смыслом элементы содержания; функционально-адресный компонент карты. *Основа — графически лаконичный набор основных признаков специального содержания*. Самостоятельные топографические карты — основа специального содержания военных карт с функцией показа дислокации войск и др. Понятие основы ситуативно и относительно. В силу иконичности и потому культурной узнаваемости основы именно она делает карты транскультурными и не слишком зависимыми от национального языка лин-

13. Родоман Б. Б. Указ. соч.

гвистического компонента карты. Различия с линейным текстом разительны!

Основа карты природных ландшафтов: сетка координат, контуры морей и важнейшие реки и отчасти рельеф, поскольку положение по широте и долготе и высота — основные факторы дифференциации ландшафтов: эти карты показывают *закономерности*. *Карта и идиографична, и номотетична: она* показывает и индивидуальные места, и закономерности, реализуемые на семействах таких мест. Основа карт географии человека — это еще и административное деление, и транспортная сеть, основной каркас культурного ландшафта. Упомянутые картоиды — номотетические карты.

Специальное содержание — изображение знаний о предмете картографирования. Обычно в конкретной области многим тематическим видам карт — то есть разному специальному содержанию — отвечает единственная основа. Карта как носитель знания — результат *смыслового и визуального диалога основы и специального содержания* (ср. с ячейками таблицы и ее заполнением).

Основа задает признаки, специальное содержание — их значения; именно, наличие основы карт позволяет им выполнять главную функцию — не только адресно-справочную, но *функцию передачи закономерностей*. Детские раскраски — это основа рисунка, а осмысленные цвета — специальное содержание; редки, но есть и географические раскраски для изучения карты мира, это уже полноценные карты; их можно номотетизировать, установив соответствие между цветами раскраски и типами стран.

Именно основа обеспечивает адресацию содержания, служит узнаваемости, обеспечивает выполнение картой модельных функций¹⁴, в частности, измерений по карте вместо измерений на местности. Основа графически выражена очень по-разному — от сети параллелей и меридианов и иной разграфки до привычных контуров привычных объектов. Главная функция основы карты — служить соотнесению смысловой телесности ландшафта и механико-геометрической телесности Земли. *Карта — наглядное выражение связки фазового (семантического, категориального) пространства и земного пространства.*

Если заполнить очень детальную сеть меридианов и параллелей не цифрами, численными значениями признаков, а их графическими эквивалентами, а некоторыми знаками (например, цветным фоном), то карта окажется *усложненной таблицей Зем-*

14. Копылов Г. Г. Указ. соч.

ли. В полноценную карту ее можно превратить процедурами картографического обобщения, то есть генерализации, — с новой прорисовкой контуров. Налицо и иные переходы. Аналогичны и такие квазиизображения, как нотопись, линейки и знаки нот и детские прописи; таблица Менделеева еще более картоподобна. Отношение «основа — специальное содержание» — частичный аналог отношения «фон — фигура».

Карта топологически двумерна, но способна передавать три измерения: физическое (высоту) или семантическое (например, плотность биоты). Число измерений не тождественно числу слоев, увеличение последнего ведет к росту информативности, реализации справочной функции, но к снижению читаемости, визуальной и интеллектуальной доступности содержания. Минимальное атрибутивное число слоев картографического изображения — 2 (два).

Семиотика масштаба

Карта — это изображение заведомо не в натуральную величину, она принципиально масштабирована, то есть уменьшает (в микробиологии увеличивает) реальные физические размеры, указывая на денотативный масштаб. *Масштаб* может выражаться на карте по-разному, и что существеннее, может закономерно меняться в самом поле карты; для картоидов масштаб может быть интервальным и множественным — атрибутивности масштабирования это не меняет. Невозможность буквальной передачи картографируемой реальности означает использование иных, не буквальных способов передачи содержания, перехода к означенности. Радикальное изменение в размерах изображение, чтобы передать содержанием неизбежно становится не копирующим, знаком. *Масштабированность и семиотичность карты — ее сопряженные атрибуты.*

Возможность измерений по карте и переноса их результатов на местность тривиальна, но масштаб — сущностный, а не только модельно-числовой признак карты. Масштаб — не только мера представления своего предмета, но атрибут самого предмета. Ландшафт принципиально полимасштабен. *В каждом диапазоне масштабов выявлены особые закономерности и пространственные формы; масштаб — особый слой реальности ландшафта*¹⁵. Разные масштабы реальности ландшафта и карт не взаимозаменяемы — но взаимодополнительны, что имеет следствием нали-

15. Каганский В. Л. Культурный ландшафт...

чие семейства представлений и обязательность семейств разно-масштабных карт для одного места¹⁶.

При этом указанные среды *полимасштабны*, что и объясняет использование комплекта реальных или мысленных карт для представления одного и того же предмета. Последнее обстоятельство известно всякому, кто внимательно разглядывал хотя бы карты гугла и Яндексa, видя или даже понимая, что в разных масштабах местность выглядит по-разному и в поле зрения оказываются нетождественные феномены.

Более того, в разных масштабах самого ландшафтного покрова идут разные процессы, что требует и карт разных масштабов. Пример — в мелком масштабе, то есть с малой детальностью и охватом огромных территорий население всей современной России «перемещается» с севера и востока на юг; в более крупном масштабе в то же самое время — по направлению «периферия — центр», и притом на разных уровнях. Первый масштаб — природный, второй — культурный.

Смысл проекции

Для карты существует явное правило построения, способ перехода от предмета картографического изображения к нему самому; в науках о Земле и картографии сферическая поверхность проецируется на условную плоскость в определенном масштабе. Это проекция. Понятие проекции может быть обобщено, и тогда *проекция* — *назван любой строгий способ построения карты*, то есть одновременно эксплицитно выразимый и полностью реализуемый. Может быть создана конструкция, определяющая, как именно осуществляется визуализация представляемого картой объекта; сказанное относится и к негеографическим картам.

Проекция задает для карты отношение между ее объектом и собственно изображением. Тем самым в пространство карты вносятся упорядоченность, и появляется возможность осуществлять процедуры в графическом пространстве, содержательно их интерпретируя. На продуктивности такого рода процедур основывается известное уподобление географических карт моделям и даже по-

16. Для многоаспектно важной автору Средней России необходимы масштабы: (1:50 000 000 — глобальный аспект), 1:20 000 000, 1:4 000 000, 1:1 000 000 (регион в целом), 1:250 000, 1:100 000 («километровка» для пеших маршрутов), 1:25 000 (для отдельных урочищ). Линейные масштабы различаются в 2 000 раз, что соответствует диапазону детальности рассмотрения и линейных размеров характерных частей этой территории.

нимание карт как особой разновидностью моделей¹⁷. Известен тезис о несовместимости функций «быть моделью» и «быть знаком»¹⁸, но это разные аспекты прагматики, а не семантики карты. Однако и в самой географии, и тем более для карт негеографических, это категорическое требование не имеет решающего значения и заменяется более мягким, как и признак наличия единого масштаба в пределах картографического изображения (существуют так называемые анаморфированные карты переменного масштаба).

Но «карты предметных областей» и многие подобные схемы несплошны и внemasштабны, в их основе не лежит сплошное масштабированное расчленение некоторого смыслового пространства (районирование предметной области) как фундирующего поле карты в содержательном и графическом отношении. Такое районирование отчасти создается и иногда осознается в ходе осмысления и реинтерпретации созданной «карты», обретая денотативный статус.

Визуальная наглядность 1.0. Денотативная иконичность. Рисунчатые знаки

Карта — иконическое средство деятельности, коммуникации, понимания, представления знаний и т. д., однако и средство знаковое, символическое по Чарльзу Пирсу. Картографическое изображение похоже на изображаемое, и будучи в этом смысле иконическим комплексным знаком — иконично, изобразительно. Это вполне очевидно, но карта изобразительна и в ином существенном отношении.

*Первичная изобразительная иконичность денотативна. Тело знаков карты и даже все изображение сходно с предметом вплоть до обыденной узнаваемости и опознаваемости; сходство дано в определенном ракурсе — при виде сверху. Карта похожа на картографируемое. Карта — своего рода *вид сверху при крупном масштабе, переформатированный знаками*, означенное пространство, картинка, раскрашенная в знаки; хотя именно в этом случае «условные обозначения» безусловны и могут не требоваться как таковые — как отдельный компонент картографического произведения. Но и тут все непросто, — карта в этой иконичности *обязательно реинтерпретирует «естественное изображение»* и делает это радикально, присваивая всем данным зрительно деталям ка-*

17. Берлянт А. М. Образ пространства: карта и информация. М.: Мысль, 1986.

18. Копылов Г. Г. Указ. соч.

тегориальные значения, а тем самым и знаки. Обычно и присвоение зрительно тождественным деталям разных значений и представление их разными знаками. И в мелком масштабе карта иконична, напоминая вид с самолета или из космоса.

Карта или ее основа передает основные визуально опознаваемые формы мест. Образно-упрощенно, *карта* — *картинка из знаков-картинок*. *Знаковость* нарисована на визуальной иконичности. Каждый зрительно похожий на свой предмет элемент карты — одновременно знак и в данном случае картинка или элемент картинки. Известные археологам и этнографам «примитивные» карты, как и наброски наших современников (например, у походных туристов или при объяснении дороги путнику), — карты в смысле наглядности-1 и содержат условные знаки, но поскольку эти знаки очевидны по умолчанию за счет высокой конкретности ситуации работы с картой, то отсутствует легенда, пояснения условных знаков или она носит экспресс-устный диалогический характер. Картографы шутят, что письменность возникла для описания содержания карт и техники их создания и потому несомненно — уже после карт. Правомерно назвать карту *кентавр-средством*, что подчеркивает неразделимость ее на аспекты без утраты целого¹⁹.

Визуальная наглядность 2.0 Сигнификативная иконичность. Знаковые рисунки

«Двуязычие» карт и вербальных текстов имманентно географическому знанию; но и собственно карта, содержа элементы вербальных текстов двуязычна. Двуязычие меняло свои формы вместе с ним. Если первоначально предметом общегеографических карт была система образований, непосредственно наблюдаемых и имеющих эквивалент в обыденном языке и сознании (откуда и возникло выражение «нанести на карту»), то с развитием тематической картографии эта связь стала опосредованной. Дело дошло до того, что объекты и сами понятия о них стали «порождаться» картами — таковы понятия ареала, района, ландшафтной зоны, атмосферного фронта и т. д., лишенные первичной визуальности. Все более картографируются всего объекты, заведомо «вида» не имеющие, например, атмосферное давление или этнический состав и плотность

19. Известная в географии и картографии концепция так называемой геоикономики априорно отождествляет разные визуальности карты, игнорируя наглядность-2. См.: Берлянт А. М. Указ. соч.

населения. Карты стали могучим средством переноса интуиций, профессиональных техник и программ географического изучения на новые объекты, позволяя использовать для их анализа визуально-иконические технологии географического профессионализма²⁰.

Сколько-нибудь сложные, синтетические, гипотетические, собственно научные и т. п. карты наглядны-1, во-первых, частично, во-вторых, преимущественно или полностью лишь своей картографической основой. Это не их недостаток, а особенность. Они, тем не менее, вполне наглядны и даны интенсивной визуальной апперцепции — но *совсем иначе*.

Такие сложные «небуквальные» карты даны визуальной апперцепции в существенно ином отношении, важнейшем для них. Но это уже визуальная *наглядность-2*, — *сигнификативная* (коннотативная?) *иконичность*. Здесь видимы — искусственным зрением — не предпосылки карты, ее феноменологически-визуальный материал, данный обыденному сознанию, но *результат специализированной работ опознания и категоризации феноменов в поле содержания карты*. Именно здесь применимо расхожее выражение — образно-знаковая модель, хотя модельные функции относятся только к наглядности-1, документальной иконичности, основе карты. Содержательная основа карты, вся денотативно наглядна / опознаваема.

Для наглядности-2 в этом случае и в этом слое *визуальность «нарисована» на знаковости*. В *наглядности-1* картинки были знаками, а в *наглядности-2* знаки сделаны как картинки; тело знаков карты зрительно наглядно. Знаки здесь передают не объемы (экстенсионалы), а содержания (интенсионалы). *Реально видимое* — лишь компонент материала, второй же компонент — *понятное и охарактеризованное*.

Наглядность-1 можно уподобить наглядности фотоснимка, в том числе и аэрофотоснимка, а наглядность-2 совершенно иная. *Это иконическая выразительность концептов, категориальных образов представленных (карто)графически*. Видимо, она тем сильнее, чем слабее наглядность-1. Они дополнительные.

20. Двухязычие — феномен, серьезно затрудняющий методологическое и гносеологическое осмысление проблематики ряда дисциплин, для которых существенны (картоподобные) изображения. Рефлексия исследовательской практики потому, быть может, и обнаруживает столь сильную автономию и отрыв от этой практики, что исследовательские программы задаются образцами деятельности, использующей карты, а методологическая рефлексия, формулирующая программы-манифесты, пользуется обычным понятийным языком, игнорируя «язык» карт.

Эвристически предпочтительнее именно те карты, содержание которых не может быть производно от прямого визуального или фотографически опосредованного наблюдения. Ценнее, реже и сложнее те карты, что непосредственно изображают данное умозрению. Важнее и интереснее профессионально и художественно именно карты, показывающие то, «чего нет на местности». В этом и состоит ценность концептуализированных карт.

Карта имеет основным содержанием то, что в принципе не может фиксировать снимок — концепты; чем карта ближе к снимку, тем менее она знакова, тем менее семантически ценна, тем менее она карта. Снимки неизбежно необходимы, но именно поэтому ценнее карты, не копирующие снимки. В биологической систематике отсутствующий телесный эталон таксона может быть заменен его профессиональным рисунком, но не фотографией, поскольку именно рисунок отрефлектирован²¹.

В XX веке в географических, геологических и подобных учебных заведениях полезно было преподавание профессиональной фотографии — выбор площадки, позиции и экспозиции, обоснование точки съемки и ракурса, то есть предварительная рефлексия. Искусство научной фотографии заключается в создании таких кадров, на которых отчетливо «видимы» не только сгустки природы, но и концепты; это относится отчасти и к аэрокосмическим снимкам и не только. Сейчас же уходит в прошлое прямое картографирование без опосредования технологиями обработки больших данных.

Чем выше синтетичность карты и значение абстрактных концептов — тем слабее модельные функции конкретной карты; налицо явная дополнительность. *Дополнительны и отчасти конфликтны адресно-маршрутные и когнитивные функции карты.*

Имеет место ряд от непосредственного созерцания мест ландшафта до карт теоретических концептов — «рецепция — перцепция — апперцепция — категориальная апперцепция». Простой пример. Основную структуру Московского региона несложно видеть на дневном или ночном снимке или с самолета; наблюдатель делает выводы, наблюдатель искушенный — много выводов и карту, хотя бы мысленную, уже проведя генерализацию, то есть исправив визуальные дефекты и отбросив малосущественные подробности.

21. *Оскольский А. А. «Тело-из-органов»: о риторике телесности в биологии // Логос живого и герменевтика телесности. Постижение культуры: Ежегодник. Вып. 13–14. М.: Академический проект; РИК, 2005. С. 407–424. В терминах процитированной работы география в существенной мере — картографическая риторика ландшафта.*

Но только в наглядности-2 можно представить, предъявить и дать стимул категориальной апперцепции пространственную форму названного края с границами и функциями его частей, их регулярностями и многое другое, что заведомо не может зафиксировать снимок в наглядности-1. Картоид же идеализированно изобразит и покажет основную форму территории. Второй случай — не простое иное представление наглядности-1: между ними лежит и их сочленяет аналитическая исследовательская работа с категориями и рефлексия — категориальная, концептуальная, типологическая, картографически-семиотическая. В личностном знании профессионала карты наглядности-1 спонтанно преобразуются в карты наглядности-2 (содержательно); высокие профессионалы в данной сфере могут мыслить и оперировать умозрительными картами. Это может, но не обязано означать дискретизацию визуального поля при сохранении его сплошности.

Всякая карта задает образ²², вернее — образ это то, что возникает у читателя, пользователя карты как новый компонент его тезауруса, содержательного профессионального знания; картографический образ как таковой не содержится в поле изображения карты, но возникает лишь в диалоге с пользователем. Независимо от намерений автора карты система образов, лишь частично субъективная, задает нетривиальное членение. Не все образы задают членение прямо и буквально, но все связаны с членениями — яркий образ паутинообразной радиально-концентрической структуры Московского узлового района дан безотносительно членения, но оно создается на его основе как форма района, содержащего названную структуру как проявление его яркой специфики. Синтетические карты районирования суть эксплицирующая интерпретация наглядного образа.

Масштаб, сплошность, двухслойность и двойственная визуальная наглядность — индикаторы карты, не только ландшафтной (географической, геологической etc), но и разнообразных карт в биологии, особенно в микробиологии и морфологии.

Карты объектов, не имеющих «природного вида» и похожи, и отличны от географических карт. Карта ненаглядной реальности — *средство наблюдения*, даже более — создатель визуально наблюдаемого, *визуализатор*. Именно карты науки делают структуры научной коммуникации зрительно наблюдаемыми, «видимыми»; до их создания и вне их использования структур как визуально данных не существует. Картирование пространства на-

22. Берлянт А. М. Указ. соч.

уки не фиксирует существующие структуры, а само создает их. Здесь картографирование — это визуализация невизуальных структур, например, структур научной коммуникации. Имеются в виду «карты науки» на основе больших корпусов цитирования научных документов²³. Существенно, что такие карты эксплицитно имеют эквивалент проекции, а имплицитно — масштаб. Они также содержат, графически явно показывают основания для членения на области, научные направления как районы науки, структурой которых и являются сети цитирования или социцитирования.

Здесь функция визуализации относится не к паре «естественная» визуальность — «картографическая визуальность», а к отношению между невизуализованным и визуализованным представлением; что относится и к географическим картам наглядности-2.

Картографическая субкультура?

Сошлюсь на собственный опыт картографирования, сочлененного с районированием агропромышленного комплекса, формально состоящего из сельского хозяйства и промышленности; такая структуризация фундировала и хозяйственную практику, и документацию, статистику и даже структуру научных предметов. Задача и содержание карты — представить выявленные закономерности. Поэтому в данном случае пришлось агропромышленный комплекс структурно расчленить иначе — рассечь на слои сообразно их положению в ландшафте и закономерно-стям размещения в агроландшафте. Это дало возможность выявить и картографически представить новые существенные закономерности. Так, первичная промышленная переработка табака, чая, винограда и хлопка была объединена с соответствующими отраслями сельского хозяйства, а промышленное птицеводство (формально — сельское хозяйство) — с промышленностью. В итоге удалось выявить и картографически эксплицитировать довольно четкие закономерности размещения компонентов комплекса и построить тематические карты с ясным закономерным содержанием — пучком образов. Было выявлено и картографически предъявлено нетривиальное типологическое районирование, границы районов которого проведены «экспертизой руки». Здесь нетривиальная логика предмета и логика картографирования удачно совпали.

23. *Маршакова И. В.* Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М.: Наука, 1988.

Но в общем случае предметная логика и логика картографов-профессионалов в представлении пространственной формы ландшафта существенно различаются; последняя нигде не предъявлена эксплицитно. Этот важный аспект профессиональной кухни, многое объясняющий в конкретности научных тематических карт, не был зафиксирован и, насколько известно, никогда публично не обсуждался и не рефлексировался. Мне довелось работать и в предметной позиции (логике), где карта производна от предметного знания, и в чисто картографической позиции, где предмет «опознается» в своих существенных чертах лишь после составления карты на основе эмпирического материала, а также рефлексировать комплексы этих ситуаций в метапозиции. Приватно-доверительно и обсуждался этот почти табуированный в профессиональном сообществе сюжет.

Так, предметно самым верным, научно содержательно обоснованным членением (районированием) современной России в аспекте культурного ландшафта будет двухчастное: Московский регион — «Остальная Россия». Однако для собственно картографа подобное совершенно невозможно — «неинтересно», то есть не создает сколь-нибудь богатого образа. Первое членение будет правильным, но куда более дробное членение территории картографа полнее, сложнее, интереснее. Дело в том, что карта, представляющая ландшафт, поневоле наследует от ландшафта «принцип неразборчивости» и обязана показать конкретную данность конкретных мест вне зависимости от смысло- и законосообразности. Общегеографическая карта воспроизводит эту неразборчивость вплоть до картографической документации мусора в широком смысле, а тематическая карта — сортирует и раслаивает этот материал, делая его доступным восприятию в картографических образах.

Целостные семейства специальных тематических карт задают в классической географии научные предметы. В связке с районированиями они функционально — эквиваленты предметных концепций²⁴. Предметы картографирования, сопряженного с исследованием отнюдь не копируют «внешнюю реальность», но задают сообразное осмысленным картам ее новое и иногда нетривиальное членение на слои. *Практики картографирования и районирования задают неявные онтологии; явные же онтологии формируются далеко не всегда и лишь при интерпретациях.*

24. Каганский В. Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования. 2003. № 2. С. 16–30.

Схема 1. Функции карты.

Профессиональная картография — не только вид деятельности, но несомненно и *особая малая субкультура* второго порядка в географии — не только дисциплине, но и особом образе жизни, где *географ — мыслящий картографически сгусток ландшафта*. Мышление географа картографично, что имеет множество разных последствий.

Представляющая знания карта и должна быть сложной, заведомо содержать значительные избыточные графически и семантически элементы, что необходимо для ее чтения, то есть реконструирования и конструирования содержательных образов. Необходимость некоторого уровня сложности для самой возможности восприятия хорошо известна. Графически же иногда простые лаконичные карты районирования и картоиды — центральные звенья семейств карт с большой сложностью, отчасти выполняют для семейства карт функцию метакарты; но могут быть сами очень детальными (пример приведен выше).

Карта как произведение

Картографическое изображение в узком смысле — лишь часть картографического произведения. Атрибут современной карты — зарамочный компонент.

Конкретная отдельная карта представляет отдельную порцию ландшафта, который вообще дан во всех отношениях исключительно порциями²⁵. Максимальная порция ландшафта — вся по-

25. Там же.

верхность Земли, предмет глобуса, здесь не рассматриваемого. Поскольку невозможна универсальная разграфка, учитывающая разнообразные формы ландшафта, то между ними и формами самой порции *налицо неустранимое противоречие*.

Далее речь пойдет о подавляющем большинстве карт. Интересно и мало понято, что такие карты реально не учитывают сферичность Земли. Мы в основном работаем с картой как частичным плоским отображением, что *формирует реальный образ локально плоской поверхности*; в существенном отношении и безграничной поверхности.

Лист карты, особенно в прямоугольной условности книгопечатания заведомо не может задавать целостную порцию ландшафта. Теоретически возможно — но практически неудобно — формировать пределы и форму картографической порционной презентации в соответствии с формой картографируемого предмета; но как их тогда изготавливать, хранить, брошюровать в осмысленные комплекты — атласы и т. п.? Таково дополнительное свидетельство культурно-технологических ограничений для карты, куда более существенных, чем для обычного вербального текста. Для упомянутых справочно-аналитических карт типа топографических это не столь существенно, для электронных карт с возможностью прокрутки еще менее существенно, но важно для тематических карт.

Для тематических карт поле карты шире самого картографируемого предмета. Здесь имеют место две принципиальные границы: 1) граница самой порции предмета — картографического изображения, знаково-графически не выраженная — данная материально граница самого листа карты, 2) граница картографируемого предмета. *Совпадение или несовпадение этих границ дает отличное разбиение множества²⁶ карт на два семейства*.

При совпадении этих границ-рамок мы имеем дело с аналитически-справочными картами, с одной стороны, и с представлением картой ландшафта как вещественного множества²⁷, для которого атрибутивно отсутствие собственных границ в силу отсутствия экстенционала, с другой стороны. При несовпадении — с тематическими картами, с одной стороны, и с картами, представляющими собирательные системы (их атрибут — собственные границы),

26. Если, конечно, совокупность карт это множество в строгом смысле см., напр., проблему экземпляра, фрагментации самих карт, цитирования фрагментов карты, также являющихся картами и т. д. — здесь немало нетривиального.

27. Чебанов С. В., Мериномия С. В. Мейена: к 40-летию формулирования // *Lethaea Rossica*. Российский палеоботанический журнал. 2017. Т. 14.

с другой стороны. В этом случае имеет место буквально *картографическое изображение между двумя границами карты* вне ее предмета, вне основной графической порции, имеющее иной содержательный и нередко и культурный и графический статус.

Однако при неразличности обоих аспектов карта как графическое произведение — карта первого типа, что характерно для традиционной «донаучной» картографии. Рамка и отдельно вынесенные условные знаки — явление Нового времени; насколько я знаю, для традиционной картографии иных культурных макро-регионов они также не характерны. Есть и промежуточные случаи, вполне интересные — но здесь для них просто нет места.

Представим себе единичную карту второго типа. Здесь имеет место два варианта для пространства листа между границами картографируемого объекта и внешней рамкой изображения. 1) Белый лист без изображения, 2) Продолжение изображения за границы предмета, что наделяет его признаком вещественности, неопределенности экстенционала. Промежуточный вариант — разное графически и интенционально заполнение основной и маргинальной области. *Карта как артефакт культуры на основе специфического изображения чрезвычайно семиотически неоднородна.*

Карта содержит элементы линейного текста в разных местах: название самой карты, фрагменты текста в графическом поле карты, содержащие не только топонимы (например, *река Москва*, *Тиманский кряж*) и легенда²⁸. Для карты характерны и дополнительные графически-текстовые комплексы — легенда, или *условные знаки*, иногда столь обширные по физическому размеру, что они не могут монтироваться на самом листе картографического произведения²⁹. Парадоксально, но легенда карты практически никогда не полна, поскольку не содержит знаков для элементов основы, что подтверждает сказанное об основе выше. Никогда в легенде карты не фигурирует и представленная графически рамка

28. Интересная «лингвистика карты» не получила развития (Кобрин Р.Ю. Указ. соч.).

29. Черных Д. В., Самойлова Г. С. Ландшафты Алтая (Республика Алтай и Алтайский край): 1:500000. Новосибирск: Новосибирская картографическая фабрика, 2011. Обратим внимание на совершенно особый библиографический стандарт описания карты как издания, особенно в части объема, где для карты указывается геометрический размер листа. При необходимости указания конкретного места на карте, картографического цитирования детали карты невозможно указать формальный аналог страницы как порции произведения, если не считать случаев общей разграфки топографических карт на квадраты.

карты, потому что, как все подобные границы, это метазнак. Легенда — это только знаки специального содержания. В объеме легенды и ее полноте выражается проблема условности — безусловности картографического изображения. Чем стереотипнее карта и чем она актуализированнее в пользовании, тем выше относительная безусловность ее знаков; они пребывают в тезаурусе пользователя; однако культурная традиция картографического производства предполагает обязательность легенды.

Однако даже полная легенда отнюдь не гарантирует понимания при чтении карты, поскольку сама триада «изображение — знак — модель» является культурно очень «странной и редкой» в текстоцентричной культуре, никак не дана безусловно и беспредпосылочно и требует длительного серьезного научения³⁰. Между объемом легенды и трудностью чтения карты прямой связи нет. Цитированная карта содержит многие тысячи типологически упорядоченных выделов при многих сотнях самих типологических районов, но трудность чтения этой высокопрофессиональной карты состоит не в запоминании знаков легенды, что заведомо не предполагается, но в понимании полимасштабных закономерностей ковра ландшафтов сложной территории. Такая карта создает концептуальный образ территории, но функции «быть моделью» и использоваться для прокладки маршрутов здесь второстепенны, хотя иная прагматика данной карты очень существенна, поскольку такое районирование — основа осмысленного природопользования.

За рамками настоящей статьи остаются атласы как особые комплекты карт; техника полиграфического воспроизведения карт, до сих пор накладывающая серьезные ограничения на изобразительные средства карты и тем самым на их содержание и способность решения картами их основной задачи — передачи форм ландшафта в зависимости от порции.

Автор настоящей работы как автор-составитель карт не раз был вынужден считаться с ограничениями на размер легенды (длину ее текста и подробность рубрикации), что вело к генерализации, общению картографического изображения и к изменению самих

30. Автор научился бегло читать (вербальные тексты) по легендам хороших цветных тематических карт довольно большого размера, что было вторично. Первичным, эмоционально сильным был интерес к самим рисункам ландшафта, его формам, представленным картами; наглядность-2 доминировала и слабо зависела от узнаваемости мест, тем более что знания были малы. Такому чтению карты — начиная с ее пространственных форм — научил автора в детстве друг семьи, старый питерский геолог, путешественник и картограф Дмитрий Яковлев.

типов районов, представляемых картой, а иногда и способов картографического изображения. Это вполне общая ситуация. Но указанное ограничение носит совсем иной характер, нежели зависимость карты от ее масштаба, хотя эти внешние ограничения и могут быть совместными, как и ограничения на размер листа карты, особенно для атласов. Очень многие тематические карты и воплощенные в них концепции, оторвавшиеся позже от картографического лона, *несут след этих внешних ограничений*.

Культурные артефакты типа «текст» предъявляются определенными порциями в конкретных, совершенно явных рамках. Рамочность культурных артефактов известна; фрагмент текста на странице — это порция со слабой рамкой. Текст куда произвольнее членится на порции при печати и особенно при чтении на мониторе, нежели карта. *Для продуктивного восприятия ландшафта на карте размер порции должен быть достаточно велик*; размер здесь имеет три аспекта — истинный размер тела ландшафта, смысловой размер, размер графического поля зрительного восприятия. Настенная карта, как правило, — представление оптимальной порции ландшафта для постижения его высокой полимасштабности.

Ландшафт воспринимаем и тем более постижим значительными порциями, и нынешняя мини-экранная «культура» его представления оставляет тому очень мало возможностей. Налицо резкое обеднение картины ландшафта у поколения монитора относительно поколения бумажных карт. Парадоксально, но *новый бум визуальности представляет мир ландшафтов Земли визуально сверхмалыми порциями*, где независимо от картографического обеспечения невозможно воспроизвести и воспринять синтетические номотетические карты и, в сущности, сами формы ландшафта. В этом экранное представление карт как образа ландшафта несравненно менее глубоко и полно, нежели в предшествующую эпоху дефицита визуальности.

Заключение

Попытаемся теперь короче сформулировать обобщенное представление о картах и картировании, опирающееся отчасти на предшествующую совместную с Юлием Шрейдером статью³¹.

Карта есть такой способ представления знаний, где предмет изображается некоторым пространством, а сама карта есть

31. Каганский В. Л., Шрейдер Ю. А. Указ. соч.

использующее условные знаки изображение этого пространства. Оно пространство либо метрически организовано, и тогда его координаты имеют эксплицитную семантику, либо содержит некоторую нечеткую графически выраженную метрику, позволяющую осуществлять некоторые простейшие операции. Все графически определенные, опирающиеся на опорный каркас основы операции в этом пространстве имеют содержательную интерпретацию, пусть бедную или тривиальную. Графическое пространство карты сплошно. Эмпирическая референция картографического изображения достигается либо метрической структурой, либо опорным каркасом, либо ими совместно, либо путем непосредственного указания. Для картографируемых объектов, существенные признаки которых используются как координатные оси картографического изображения, обязательен масштаб.

Логически карта — (существенная, но неполная характеристика) — экстенционально-интенциональная диаграмма Вейля с достаточно полной нетривиальной семантикой форм и границ областей; графические размеры значимы.

Карты используются как информационное средство, ресурс для принятия решений; характерно, что карта предназначена более для формирования-выбора решения, нежели служит средством его эксплицитного обоснования; само уяснение форм ландшафта и их смыслов — важнейшее «решение». Карта — средство выражения не всегда отчетливых и осознанных неявных знаний, недоотраженных концепций и служит цели уяснения таких концепций, поскольку они заданы непосредственно в материале карт; такие неявные концепции могут реконструироваться по картам, что требует высокого профессионализма. Тем самым карта воплощает *личностное знание* Майкла Полани, а ориентация на такое «неточное и нестрогое» средство — не недостаток или незрелость профессионального знания, а его атрибут и явное достоинство в определенных ситуациях. Картографической культуре научная география и вообще науки о Земле в существеннейшей мере обязана самим существованием. Это и реализация установок Пола Фейерабенда. В практике географии и картографии именно тщательное и многоэтапное изучение собственноручно составленной карты — обязательный компонент профессиональной деятельности; нередко только после него может быть уяснен и сформулирован предмет карты, ее содержание.

Карта как привычный феномен кажется очевидной, чуть ли не простой — но это нечто непростое, своеобразное и даже уни-

кальное. В мире знаковых линейных дискретностей (тексты) с доминантой временных многообразий живет, занимая важное место иконически-графический принципиально пространственно-нелинейный, сплошно-недискретный знаковый комплекс — носитель знаний и смыслов. Привычная диковина, близкая и иллюзорно понятная экзотика, что объясняет и ее высокую метафорическую нагруженность — без внятного понимания и экспликации. Карта для нынешнего варианта западной культуры экзотична — представление содержаний отнюдь не путем классификационных перечней изолированных отдельностей и монтажа из них последовательных синтагм. Распространенность карт как уже обычного средства деятельности современной цивилизации (чаще в самых элементарных функциях адресности и маршрутирования) противоречит непроясненности статуса и смысла карт. Мир карты — универсум «картинок» собирательных систем и их членений (не разбиений) как основного содержания довольно строгих логико-семиотических средств. Доминантные для научно-методологической культуры, к тому же сливающиеся порождающие отношения «происходить от...», «состоять из...» и «следовать за...» для поля содержания карты несущественны и периферийны. Карта выражает и порождает нетривиальные онтологии, но именно в силу семиотической инакости не может сообщить об этом стандартными способами. В отличие от текста карта не может быть прорефлектирована и эксплицирована своими собственными средствами. Метатекст — это текст о тексте. А метакарта? Метасемиотика семиотики карты?

Библиография

- Барт Р. Риторика образа // Избр. раб.: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
- Берлянт А. М. Образ пространства: карта и информация. М.: Мысль, 1986.
- Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.
- Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2001.
- Каганский В. Л. Мир географических открытий и мир современной географии // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск: Наука, 1987.
- Каганский В. Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования. 2003. № 2. С. 16–30.
- Каганский В. Л., Шрейдер Ю. А. Карта как общий способ представления знаний // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 5.
- Кобрин Р. Ю. Лингвистика в картографии // Прикладное языкознание. СПб.: СПбГУ. С. 408–419.
- Копылов Г. Г. Пространственные представления в СМД-методологии: постановка проблемы и анализ карты как инструмента «схватывания» про-

- странства // Вопросы методологии. 1992. № 1–2. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5139>.
- Лютый А. А. Язык карты: сущность, система, функции. М.: Наука, 1988.
- Маршакова И. В. Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М.: Наука, 1988.
- Оскольский А. А. «Тело-из-органов»: о риторике телесности в биологии // Логос живого и герменевтика телесности. Постижение культуры: Ежегодник. Вып. 13–14. М.: Академический проект; РИК, 2005. С. 407–424.
- Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды: сб. тр. Смоленск: Ойкумена, 2007.
- Сухова Н. Г. Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л.: Наука, 1981.
- Чебанов С. В., Меровомия С. В. Мейена: к 40-летия формулирования // *Lethaea Rossica*. Российский палеоботанический журнал. 2017. Т. 14.
- Черных Д. В., Самойлова Г. С. Ландшафты Алтая (Республика Алтай и Алтайский край): 1:500000. Новосибирск: Новосибирская картографическая фабрика, 2011.
- Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур, 2014.

NON-METAPHOR: PHENOMENOLOGY OF CARTOGRAPHIC IMAGE

VLADIMIR KAGANSKY. Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia.

Keywords: visual; denotation; symbolism; image; iconicity; map; landscape; scale; dismemberment; signification; continuity.

The map is a powerful cultural and epistemological metaphor for travel and landscape; demetaphorization was carried out. A map is considered in a generalized sense (but mainly on the material of geographical maps) — a solid designated scaled image of some denotative space. The map is fundamentally distinguished from non-categorical images (aerospace, etc.) by its post-categorical character. A map is a categorized image; concepts correspond to each of its fragments. The subject and obvious denotation of the classical map is the earth's surface. The map is distinguished from the fashionable “maps of subject areas,” many types of computer graphics and other visualizations by the continuity of both the depicted (denotative) space and the map space itself and the obligatory scale of the cartographic image. Undoubtedly being an image given by visual apperception, a map is rarely entirely copy-iconic. This is an important and widespread mass card variant; but every map contains a pictorial-iconic component as an address layer that provides denotative recognition; iconicity and recognizability are not synonyms. In the center of the article are thematic special geographical maps, they are given a general interpretation; they basically use color. The basis of the work is introspection and reflection of the personal experience of the cartographer-compiler and the user of maps, the experience of reading a landscape from a map / reading a map over a landscape in cognitive journeys, methodological studies based on theoretical geography, semiotics and classification theory. Not a review or criticism of literature. The main task of the work is to clarify the epistemological, semiotic and cultural status of the map.

DOI: 10.22394/0869-5377-2022-6-217-243